59 4/112

59 4/112
12915
21 фев 1906

РУССКОЕ САМОДЕРЖАВІЕ

и

МАНИФЕСТЪ

17 Октября 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906.

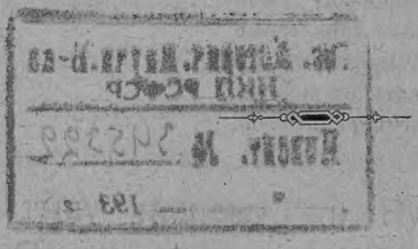
59 4/112

РУССКОЕ САМОДЕРЖАВІЕ

и

МАНИФЕСТЪ

17 Октября 1905 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1906.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 13 февраля 1906 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 345322
" 193 г.

Русское Самодержавіе

и

Манифестъ 17 Октября 1905 г.

„Das Heimsche schützen, das Fremde nützen“ (Родное оберегать, охранять, а чужеземнымъ пользоваться).

Изъ надписи на городской ратушѣ въ городѣ Мюнхенѣ.

„Тотъ, кто хочетъ созидать въ будущемъ, не долженъ упускать изъ вида прошлаго. Извлекайте изъ минувшаго все доброе и прекрасное, которое можно найти въ немъ. Создавайте себѣ идеалы, не отрываясь отъ прошлаго, и стремитесь осуществить ихъ въ будущемъ“.

Изъ политическаго завѣщанія бывшаго президента Трансваальской республики Крюгера.

Къ стыду нашему въ Русскихъ школахъ о нашемъ Самодержавномъ государственномъ строѣ не преподавалось и не преподается даже самыхъ элементарныхъ понятій, а въ университетахъ, на спеціальныхъ факультетахъ, оно преподавалось часто тенденціозно, въ увлеченіи западно-европейскими образцами, безъ должнаго уваженія и инте-

реса къ своему историческому бытовому прошлому, безъ любви къ своему родному, къ своему отечеству и безъ народной гордости, которыми такъ сильны напр. англичане. Такія явленія не встрѣчали протеста или негодованія общества, а напр. лекціи по исторіи французской революціи, читавшіяся въ видѣ тенденціозной ея апологіи, въ Петербургскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, посѣщались наиболѣе усердно студентами всѣхъ факультетовъ.

Въ результатѣ большинство нашей интеллигенціи имѣетъ о нашемъ государственномъ строѣ только смутныя и неясныя представленія, а часть ея—и извращенныя понятія. Настало такое время, когда всѣ проникнуты духомъ реформаторства, и Россія давно требуетъ коренного и серіознаго усовершенствованія своего государственнаго строя, но она застигнута врасплохъ; ибо мы многіе, оказывается, лучше знаемъ организацію европейскихъ конституцій, нежели наше Самодержавіе и его требованія въ государственномъ строѣ, и готовы скорѣе, съ легкимъ сердцемъ, отречься отъ него и рабски принять изношенное уже и обнаружившее всѣ свои язвы конституціонное устройство, лишь бы оно было заграничное, нежели употребить всѣ свои силы и способности, чтобы достигнуть легко возможнаго усовершенствованія своего родного, исто-

рическаго. Мы можемъ выработать свою родную, Русскую, такъ сказать, „конституцію", которая ограничивала бы не Самодержавную власть, а всѣ уполномоченныя ею власти въ твердыхъ рамкахъ закона, правдиво освѣдомляла бы Верховную власть о дѣйствительныхъ нуждахъ народа и государства, обезпечивала бы дѣйствительную отвѣтственность всѣхъ властей, нынѣ безотвѣтственныхъ, и гарантировала бы, наконецъ, и дѣйствительную гражданскую свободу всѣмъ не злоупотребляющимъ ею. Такая Русская „конституція" конечно была бы люба Русскому народу и отвѣчала бы его потребностямъ и идеаламъ, укрѣпила бы единство и мощь Русской Державы и была бы, конечно, поэтому ненавистна всѣмъ врагамъ Россіи, еврейству, стремящемуся черезъ посредство парламентаризма водворить свое господство въ Россіи, и всѣмъ темнымъ силамъ, эксплуатирующимъ всѣмъ извѣстные пороки парламентаризма.

Ходячее мнѣніе объ отождествленіи бюрократизма и того режима, который царилъ у насъ, съ Самодержавіемъ, столь успѣшно эксплуатируемое врагами послѣдняго, есть признакъ злого умысла тамъ, гдѣ оно не можетъ быть объяснено невѣжествомъ.

Изложенная ниже картина истиннаго Самодержавія, кажется, съ достаточною ясностью раскры-

ваетъ эту ложь и указываетъ на уклоненія отъ него и на его расхищеніе, которыя и привели Россію къ настоящему ея положенію. Она выясняетъ, съ другой стороны, и всѣ необходимыя принципіальныя требованія для осуществленія той самобытной нашей исторической формы правленія, которая способна обезпечить и гражданскую свободу, и ограждать правду и справедливость, и отвѣчать всѣмъ дѣйствительнымъ культурнымъ потребностямъ народа легче и лучше, нежели любая изъ формъ Западной Европы, расходующей свои производительныя силы на необходимую борьбу съ разлагающимъ вліяніемъ навязываемыхъ и Россіи: соціализма, еврейства, масонства и другихъ язвъ искусственной Европейской культуры.

Невольно задаешься вопросами: неужели такъ мало у насъ патріотизма, любви къ отечеству и своему родному, самолюбія и національнаго самосознанія и гордости и собственнаго творчества? Неужели такъ велико наше невѣжество и сильны лѣнь и слѣпое подчиненіе всей той политической интригѣ, которой нужно сокрушить одинъ изъ главныхъ устоевъ русской государственности и главный залогъ единства Россіи—истинное Самодержавіе, чтобы не дать ему, наконецъ, усовершенствоваться и вылиться въ ту христіанскую Русскую форму, которая обезпечила бы Россіи

подобающее ей могущество въ мірѣ для быстраго движенія впередъ по пути ея исторической культурной миссіи? Неужели мы такъ бездарны и слабы, что не можемъ сумѣть справиться со своими недостатками своими собственными силами и средствами? Неужели мы не можемъ вложить всю душу, сердце, умъ и помыслы наши въ усовершенствованіе своего строя, дабы онъ отвѣчалъ дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго народнаго быта и уклада? Неужели, наконецъ, дѣйствительно, русскій народъ отрекся бы отъ всего родного, способенъ былъ бы разрушить весь свой исконный строй, которымъ создалось величіе Русской Державы, и на его мѣсто готовъ былъ бы приладить завѣдомо плохое чужое? Государственная Дума, или своевременно созванный Земскій Соборъ, отъ коренного по вѣрѣ и происхожденію православнаго русскаго народа отвѣтили бы, конечно, не колеблясь на этотъ вопросъ.

Настоящій прогрессъ Россіи, какъ и всякаго государства, долженъ заключаться *въ усовершенствованіи своего историческаго государственнаго строя*, а не въ *перениманіи* какого бы то ни было чужого, свидѣтельствующемъ о гибели націи.

Поэтому Россіи нужно сохранить свой исторический признакъ духовнаго строя народа—*неограниченное Самодержавіе*, отнюдь не деспотическое,

а *какъ постоянно совершенствующійся Самодержавный строй*, проведенный сверху до низу въ государственномъ механизмѣ.

Такой строй можетъ быть охарактеризованъ слѣдующими основными чертами:

Законодательная власть принадлежитъ единственно Монарху, по своему положенію воплощающему религіозно-нравственные идеалы своего народа (почему онъ не можетъ быть неправославнымъ, напримѣръ) и стоящему внѣ всякаго зла, пристрастія и подкупа, и внѣ интересовъ партій и политикановъ, разлагающихъ конституціонныя государства. Для наилучшаго осуществленія Монархомъ этой власти, необходимъ государственный аппаратъ который наиболѣе совершенно обезпечивалъ бы ему правдивое освѣдомленіе о дѣйствительныхъ нуждахъ государства, народа и его классовъ. Всѣ подобные аппараты могутъ, разумѣется, носить только *совѣщательный* характеръ, не ограничивая законодательной власти Монарха и предоставляя Ему безпристрастный выборъ мѣры тамъ, гдѣ партіи не могутъ сговориться и гдѣ въ конституціонныхъ государствахъ рѣшаетъ безсмысленное въ государственномъ смыслѣ насиліе большинства.

Къ числу такихъ аппаратовъ относятся Государственная Дума и Государственный Совѣтъ.

Первая, имѣющая законодательный починъ, не должна и помышлять о расширеніи своихъ правъ для ограниченія Самодержавія, а свято исполнять задачу наилучшаго освѣдомленія законодателя о дѣйствительныхъ нуждахъ народа. Если она не желаетъ отречься отъ прошлаго, отъ исторіи своей родины и народныхъ идеаловъ, она должна сдѣлать то, чего не умѣла или не хотѣла сдѣлать захватившая Верховную власть въ свои руки и ставшая стѣною между Царемъ и народомъ бюрократія, а именно: *предложить проведеніе во всемъ государственномъ управленіи полнаго и чистаго Самодержавнаго строя* и помочь этимъ Законодателю выработать и явить міру одну изъ наиболѣе совершенныхъ формъ самобытнаго государственнаго строя, наиболѣе приближающагося къ христіанскимъ и народнымъ Русскимъ идеаламъ.

Управленіе можетъ осуществляться Верховною властью только черезъ ея *полномочія*, но подъ непремѣннымъ условіемъ *фактической, законной отвѣтственности* мѣстъ и лицъ не только передъ нею, но и передъ высшими коллегіальными учрежденіями (Губернскія Правленія и Правительствующій Сенатъ, напримѣръ), *кромѣ общественнаго контроля*, напримѣръ Государственной Думы, Земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, гласности и т. п. При такомъ условіи исполнительная власть

будетъ *сильна*, дѣйствуя, отвѣтственная, за свой страхъ и совѣсть. Если аппараты надзора за законностью прочно организованы сверху до низу, то при такой сильной власти нѣтъ опасности расширять полномочія мѣстамъ и лицамъ, а въ томъ числѣ и въ мѣстномъ управленіи, и не можетъ существовать нетерпимый нынѣшній антагонизмъ между земскими и общественными элементами, призываемыми на службу государству, и правительственною властью. Только при такихъ условіяхъ возможно значительное расширеніе компетенціи органовъ такъ называемаго мѣстнаго самоуправленія и достиженіе *гарантіи неприкосновенности личности и ея непротивозаконной дѣятельности, извѣстной свободы слова, союзовъ и собраній* *).

---

*) Если значеніе прежняго Сената съ мѣстной губернской прокуратурой, «Царевымъ окомъ», для необходимаго при всякой формѣ правленія надзора за законностью въ государствѣ, за столѣтіе борьбы съ нимъ единоличной министерской власти, расхищавшей Верховную власть единоличными Всеподданнѣйшими докладами, и уничтожилось, то только по надзору за этою властью, а губернская прокуратура непоколебимо твердо выполняла свои функціи и могла бы выполнять ихъ и теперь, если бы не была уничтожена со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, какъ сильно стѣснявшая произволъ администраціи и обезпечивавшая свободу личности и ея дѣятельности. Передъ Сенатомъ, въ порядкѣ надзора за законностью, должны быть отвѣтственны всѣ власти государства, за исключеніемъ немногихъ, особо изъятыхъ закономъ, и не исключая министровъ, которые будутъ находиться подъ контролемъ и Государственной Думы, имѣющей право дѣлать имъ запросы. Одно не исключаетъ другое, а напротивъ оба

По отношенію **къ суду**, который долженъ быть *скорый, доступный, гласный* (нѣтъ нужды ему быть публичнымъ, ибо одна публичность не гарантируетъ гласности), *законный*, а не только *правый*, и отнюдь *не милостивый*, ибо милость составляетъ прерогативу даже ограниченныхъ Монарховъ, Верховной власти принадлежитъ, кромѣ права помилованія и милости, еще и *христіанское право возстановленія правды и справедливости* тамъ, гдѣ кончается матеріальное, бездушное право, по которому можно человѣка несправедливо лишить чести, имущества и жизни (такъ сказать jus aequitatis, англійское судебное производство of equity). Судья долженъ примѣнять законъ, а миловать можетъ только Царь.

Соціальный строй государства долженъ также отвѣчать Самодержавному строю и быть наилучшимъ образомъ использованъ для сочетанія общественныхъ силъ съ правительственною властью, на благо страны. Не было, нѣтъ и не будетъ такой страны, гдѣ нація не разслаивалась бы на классы. Ихъ организація и составляетъ важнѣйшую устроительную задачу государственности, а ихъ разрушеніе характеризуетъ паденіе государства и

вмѣстѣ: надзоръ Сената и контроль Думы могутъ дѣйствительно прекратить расхищеніе Самодержавія единоличными правителями, приведшее Россію къ нынѣшней смутѣ.

анархію, которая угрожаетъ Россіи, болѣе 50 лѣтъ разрушавшей сословія и классы, вмѣсто ихъ организаціи.

Мѣстная реформа должна быть построена на организованныхъ земскихъ и городскихъ классахъ, каждое со своею физіономіей, солидарностью, отвѣтственностью передъ своими и сознаніемъ своихъ нуждъ и интересовъ, и значенія, и роли въ государствѣ, а не на безпочвенной, безформенной, безличной, нравственно ни передъ кѣмъ не отвѣтственной массѣ людей съ академическими мнѣніями. Для плодотворнаго отправленія власти, она должна быть освѣдомлена объ отношеніи классовъ къ данной мѣрѣ, а не о происках лицъ или политиканствующихъ партій.

Губернская реформа поэтому должна строиться на слѣдующихъ основаніяхъ: всѣ мѣстные классы должны имѣть и свою роль въ дѣлѣ мѣстнаго благоустройства, но опять таки не какъ управительская, исполнительная власть, а какъ власть, наилучше освѣдомленная о мѣстныхъ нуждахъ и потому *только рѣшающая* мѣры, въ предѣлахъ данныхъ ей полномочій и закона. Исполненіе же должно, за ея контролемъ и при надзорѣ за законностью дѣйствій, принадлежать одной правительственной власти. Такое сочетаніе общественныхъ силъ съ правительственною властью, при контролѣ

первыхъ надъ второю и надзорѣ за законностью дѣйствій тѣхъ и другихъ, не отвлечетъ общественныхъ силъ отъ необходимыхъ имъ самимъ и государству ихъ коренныхъ занятій, и никогда не выродитъ общественные элементы въ бюрократію, какъ это уже случилось въ нынѣшнемъ земствѣ напр., а правительственную власть не допуститъ до произвола *). Земствамъ же изъ земскихъ сословій и городамъ изъ городскихъ (всесословнымъ, но не безсословнымъ) можетъ быть плодотворно предоставлено право внесенія въ Государственную Думу ходатайствъ о мѣстныхъ нуждахъ, требующихъ новыхъ мѣропріятій или измѣненія или дополненія закона.

При такомъ строѣ всякій въ государствѣ найдетъ свое мѣсто и будетъ имѣть почву подъ ногами для полезной дѣятельности на благо своей страны; никакого значенія тогда не будутъ имѣть заявленія самозванцевъ именемъ народа о необходимости насильственнаго расчлененія Россіи на федераціи, и она, имѣя залогомъ своего единства

*) Въ уѣздѣ, напр., долженъ быть Уѣздный Начальникъ и Уѣздное Правленіе, дѣйствующее, какъ Губернское, по указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ немъ—отдѣленія земское и городское, исполняющее постановленія Земскихъ и Городскихъ Собраній, подъ надзоромъ за законностью со стороны губернской и административной прокуратуры и подъ контролемъ общественныхъ Земскихъ и Городскихъ Собраній и гласности.

прочный Самодержавный строй, не хуже всякаго другого могущій гарантировать всякую свободу не злоупотребляющему ею, должна явить міру такую культуру и могущество, которыя не сокрушатъ ни многочисленные враги, ни внутренніе, ни другія различныя культурныя язвы, разъѣдающія уже Европейскія государства. Вотъ почему такой строй найдетъ себѣ ярыхъ противниковъ въ тѣхъ, кто почувствуетъ себя безсильнымъ подточить его и извратить до подчиненія себѣ всего государства: въ еврейскихъ кагалахъ и бундѣ, соціализмѣ съ ихъ приснымі, масонствѣ, стремящимся къ сокрушенію государствъ и христіанства, и во всѣхъ людяхъ, ищущихъ ловить рыбу въ мутной водѣ, и авантюристахъ, ищущихъ эксплуатировать политическія партіи и политическіе обманы.

Изъ сказаннаго выше ясно, что порядокъ управленія Россіей въ послѣдніе десятки лѣтъ уклонился отъ требованій истиннаго русскаго Самодержавія. А между тѣмъ въ обществѣ преобладаетъ ходячее мнѣніе, основанное на всеобщемъ недовольствѣ этимъ порядкомъ, но не на познаніи русской исторіи и требованій истиннаго Самодержавія, и состоящее въ томъ, что нашъ бюрократическій строй управленія невѣжественно отождествляется съ Самодержавіемъ, которое потому и осуждается, какъ зло. У насъ было не Самодер-

жавіе Царя, а министровъ, олигархія постоянно смѣняющихся правителей, расхищеніе ими Самодержавія, произволъ, безотвѣтственность власти и попираніе ею же законовъ Имперіи. Этотъ строй создавалъ стѣну между Царемъ и народомъ и черезъ нее до Царя не доходилъ голосъ народа о его дѣйствительныхъ нуждахъ и до народа не всегда доходила благая воля Царя. Великая идея „Царь и народъ" обратилась въ фикцію и осталась въ книжкахъ, на бумагѣ, и единеніе Царя съ народомъ исчезло изъ жизни, а безъ него немыслимо осуществленіе истиннаго Самодержавія. Вотъ почему Царь объявилъ рядомъ Манифестовъ, что онъ хочетъ совѣщаться съ выборными людьми, „облеченными довѣріемъ народа".

Въ Манифестѣ 6 Августа 1905 г. Царь вѣщаетъ народу: „Сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положеніе о выборахъ въ Думу" . . . . . и далѣе: „Мы сохраняемъ всецѣло за Собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему

предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія". Пока наше Самодержавіе не отмѣнено фактически и не установлены особые законы объ его отмѣнѣ и ограниченіи, нельзя сомнѣваться въ правѣ Самодержца увеличивать или уменьшать *полномочія* Думы. Нужна злая воля, чтобы видѣть въ Манифестѣ 17 Октября дарованіе конституціи Россіи и ограниченіе Самодержавной власти. Такое ограниченіе, если бы послѣдовало извнѣ ея, насильственно для нея, и было бы закрѣплено подлежащими законами государства—другое дѣло. Но правило Манифеста 17 Октября „чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы" есть только *полномочіе* Думѣ отъ неограниченнаго Монарха, да еще данное прежде, нежели „укажетъ жизнь", какъ сказано въ Манифестѣ 6 Августа, и при какихъ условіяхъ разгара смуты въ государствѣ, учиненной врагами родины, при попустительствѣ власти. Это полномочіе дано, „чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей" и для того Манифестъ призываетъ далѣе: „всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на

родной землѣ". Что же сдѣлали сыны Россіи въ отвѣтъ на этотъ Манифестъ? Настала еще горшая смута, дошедшая до междоусобнаго вооруженнаго возстанія! И Царь послѣ этого не воленъ лишить этихъ сыновъ своей милости—полномочія, даннаго Думѣ, которая еще и не собиралась?! Это былъ бы нелѣпый выводъ! Но Дума будетъ созвана, и мы увидимъ, оправдаетъ ли она дарованныя народу милость, довѣріе и возлагаемыя на нее надежды. Самодержавная власть можетъ давать какія угодно полномочія и эти полномочія ее не ограничиваютъ, ибо она вольна ихъ измѣнять, какъ и сказано въ Манифестѣ 6 Августа, также какъ она же издаетъ законы, которые и измѣняетъ, дополняетъ и отмѣняетъ. Пока полномочія или законъ не отмѣнены, Верховная власть, разумѣется, первая же, сама и подчиняется имъ и слѣдитъ за ихъ исполненіемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что, издавъ законъ или давъ полномочіе, она себя ограничила навсегда и не въ правѣ его измѣнить. Это кажется спору не подлежитъ. Земскимъ учрежденіямъ при ихъ основаніи, было, напр., дано право безконтрольнаго, безапелляціоннаго обложенія земли, принадлежащее единственно Верховной власти, по кореннымъ нашимъ законамъ, и развѣ наше Самодержавіе было этимъ отмѣнено или ограничено? Жизнь указала, что такое положеніе стало нетерпимымъ и это

полномочіе Верховной власти было ею же ограничено новыми законами. На основаніи ст. 73 Основныхъ Законовъ Имперіи „законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ таковымъ же общимъ закономъ", т. е. указъ указомъ, законодательный актъ—таковымъ же и т. д. Пока этотъ законъ существуетъ и не измѣненъ, всѣ власти должны ему слѣдовать и не подводить, подъ страхомъ отвѣтственности, Верховную власть, вовлекая ее въ обходъ закона, и этимъ уничтожать всякую силу законовъ и разрушать всякую основу порядка въ государствѣ. Изъ этого еще вовсе однако не слѣдуетъ, чтобы Верховная власть была не въ правѣ измѣнять самый законъ. Но разъ онъ установленъ ею, она же первая, конечно, должна заставлять ему подчиняться, если не желаетъ довести страну до анархіи, что, конечно, никогда не можетъ входить въ ея виды. Правило Манифеста 17 Октября о томъ, что безъ одобренія Думы не будетъ утверждаемъ ни одинъ законъ, будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ измѣнено, какъ и всякій законъ или полномочіе, а измѣненіе ихъ остается всетаки только во власти Царя.

Для того чтобы, какъ желали бы наши конституціоналисты, произошло ограниченіе Самодержавія, надо, чтобы были даны такіе новые положительные

законы, которые прямо и опредѣленно установили бы это ограниченіе, чего сама Верховная власть, врученная народомъ нашимъ Самодержцамъ, не можетъ сдѣлать сама, безъ народа. Всякая частица Верховной власти, которую она передаетъ кому либо, какъ исходящая отъ нея, не можетъ являться ея ограниченіемъ, а можетъ быть только полномочіемъ, которое во всякое время можетъ къ ней и вернуться. Это и должно послѣдовать въ разсматриваемомъ случаѣ, какъ только Дума не выполнитъ своей задачи, выйдетъ изъ рамокъ данныхъ ей полномочій, объявитъ себя учредительнымъ собраніемъ, пожелаетъ переломать основные законы Имперіи и, чего добраго, объявитъ себя временнымъ правительствомъ. Дума же, которая дѣйствительно отразила бы сознательный голосъ только Русскаго православнаго народа, отвѣтила бы потребности Самодержавной власти въ единеніи ея съ народомъ. При такой Думѣ Верховная власть никогда не разошлась бы съ нею и усматриваемое нашими конституціоналистами мнимое ограниченіе Верховной власти въ Манифестѣ 17 Октября не понадобилось бы и уничтожать и отнимать, какъ данное полномочіе. Полномочіе, дарованное Думѣ, могло бы угрожать ограниченіемъ Верховной власти только тогда, когда сама Дума вошла бы въ конфликтъ съ Верховной властью и было бы большимъ

несчастіемъ для Россіи, и смѣшно бы было думать, чтобы такая Дума взяла верхъ надъ этою властью. Это свидѣтельствовало бы, что она такого состава, который не отвѣчаетъ народнымъ идеаламъ и потребностямъ, и Верховная власть должна была бы, распустивъ ее, измѣнить порядокъ выборовъ и ея полномочій. Дума, какъ аппаратъ правдиваго, наилучшаго освѣдомленія Верховной власти о нуждахъ народа и государства, тогда станетъ на высоту своего высокаго призванія, когда поможетъ Государю осуществить національный Самодержавный строй сверху до низу, попытка охарактеризовать который сдѣлана выше.

Дѣйствительно, фактически и юридически Самодержавіе не отмѣнено, какъ это признала даже и газета „Новое Время“, которая указываетъ, что всѣ манифесты (3 Ноября 1905 г. напр.), и новые законы за все время съ 17 Октября 1905 г. изданы властью неограниченнаго Самодержца, безъ участія народнаго представительства. Ни въ одномъ актѣ не сказано, что Самодержецъ слагаетъ съ себя хотя бы частицу принадлежащей ему власти и не отрекается отъ нея; не отмѣненъ ни одинъ основной законъ Имперіи, а напротивъ въ Манифестѣ 6 Августа подтверждена ихъ сила. По буквѣ и смыслу существующихъ законовъ и Манифеста 17 Октября съ Самодержавіемъ совмѣстимы не-

зыблемыя основы закономѣрной гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, которую и подлежитъ и предстоитъ осуществить изданіемъ соотвѣтствующихъ законовъ. Оно совмѣстимо и съ установленіемъ, „какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Это правило не есть далеко основной законъ и провозглашено оно для правительства, чтобы ограничить его и оградить отъ его произвола вѣрноподданныхъ, а вовсе не съ цѣлью ограничить Верховную власть Царя. „Русское Собраніе въ Петербургѣ, при содѣйствіи хорошихъ юристовъ, которыхъ оно имѣетъ въ своемъ составѣ, послѣ зрѣлаго обсужденія вопроса, остановилось на такихъ заключеніяхъ:

„Манифестъ 17 Октября 1905 г. ни по формѣ изложенія, ни по своему содержанію не указываетъ на отреченіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ Самодержавной власти, преемственно дарованной Ему милостію Божіей и Русскимъ народомъ, избравшимъ на царство Домъ Романовыхъ.

А потому, если бы ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было отказаться отъ этой власти, то несомнѣнно Онъ сдѣлалъ бы это только лично за Себя, и тогда, по основнымъ законамъ

государства, власть эта перешла бы къ Его Наслѣднику.

Если же ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пожелалъ бы измѣнить существующую форму правленія и взамѣнъ Самодержавія даровать конституцію, то, какъ Помазанникъ Божій, принявшій эту власть въ присутствіи русскаго народа, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, Онъ, само собою разумѣется, сдѣлалъ бы это при той же торжественной обстановкѣ и притомъ не иначе, какъ съ согласія всего русскаго народа, предки котораго, по Божьему соизволенію, вручили Его Державному Предку власть Самодержавнаго ГОСУДАРЯ.

Между тѣмъ, Манифесту 17 Октября 1905 г. не только не предшествовало народное голосованіе, не было торжественнаго отреченія отъ власти въ Успенскомъ Соборѣ, но и въ самомъ Манифестѣ нѣтъ ни одного указанія по этому поводу.

Въ позднѣйшихъ Манифестахъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ продолжаетъ именовать Себя Самодержцемъ Всероссійскимъ, а православная церковь молится о Немъ и нынѣ какъ о „Благочестивѣйшемъ и Самодержавнѣйшемъ Государѣ Нашемъ“, и Самъ ГОСУДАРЬ, на всѣ обращенія къ нему, не отрекается отъ Своей Самодержавной власти, а выражаетъ лишь непреклонную волю

незыблемости началъ, положенныхъ въ основу Манифеста 17 Октября 1905 года.

Преклоняясь передъ Священною волею Монарха и съ безпредѣльной благодарностью принимая дарованныя этимъ Манифестомъ милости, Русское Собраніе находитъ, что непреклонная воля ГОСУДАРЯ заключается лишь въ осуществленіи дарованныхъ этимъ Манифестомъ свободъ и созывѣ Государственной Думы, которой Онъ предоставилъ и законодательную дѣятельность.

Этимъ актомъ Монаршей милости ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить довѣріе свободному русскому народу въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что Онъ обѣщалъ даже не издавать ни одного закона помимо народнаго желанія, помимо одобренія его Государственною Думою, оставивъ за Собою лишь право не утверждать такихъ законовъ, которые, по Его мнѣнію, какъ Самодержца и Помазанника Божія, направлены во вредъ Его народу.

Такимъ образомъ, тотъ же Манифестъ несомнѣнно подтверждаетъ, что наиважнѣйшій основной законъ о государственномъ устройствѣ не могъ бы быть изданъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ безъ народнаго желанія, безъ одобренія его Государственною Думою, а потому означенный Манифестъ служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ незыблемости Самодержавія на Руси.

Манифестъ 17 Октября 1905 года, говоря простымъ языкомъ, выражаетъ лишь недовѣріе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ прежнимъ Его совѣтникамъ, которые, находясь далеко отъ народа и не зная его нуждъ, подносили къ утвержденію ГОСУДАРЯ такіе законы, которые не только не отвѣчали народнымъ желаніямъ, но иногда были направлены въ разрѣзъ народнымъ интересамъ, почему ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ и благоугодно нынѣ управлять страною при широкомъ содѣйствіи народныхъ представителей".

Весьма интересенъ по своей основательности, вдумчивости и русскому духу отзывъ на приведенное обращеніе „Русскаго Собранія" по поводу Манифеста 17 Октября „Кружка Москвичей" (такъ назыв. Самаринскаго). Въ этомъ отзывѣ, дополняющемъ вышеприведенное обращеніе, между прочимъ говорится:

„Манифестъ 17-го Октября, изданный, очевидно, въ надеждѣ предотвратить дальнѣйшую агитацію революціонеровъ и укротить производимую ими смуту, не достигъ этой цѣли. Онъ удовлетворилъ лишь сравнительно незначительную часть Русскаго общества, искренно желавшую водворенія у насъ конституціонной монархіи. Болѣе крайніе элементы, примыкавшіе къ такъ называемому „освободительному движенію" обрадовались, ко-

нечно, новой уступкѣ правительства, ибо усмотрѣли въ ней признакъ полнаго безсилія власти въ борьбѣ съ политической агитаціей, но нисколько не успокоились на достигнутомъ успѣхѣ. Они рѣшились еще настойчивѣе продолжать борьбу, пользуясь благопріятною минутой, чтобы окончательно разрушить въ самыхъ его основахъ исторически сложившійся у насъ государственный строй и *захватить власть въ свои руки*. Съ другой стороны, всѣ русскіе люди, которые привыкли видѣть въ полнотѣ и силѣ Царской власти залогъ здороваго и правильнаго развитія русскаго народа, не могли не быть смущены государственнымъ актомъ, который, повидимому, давалъ поводъ думать, будто историческія основы нашего государственнаго строя, о незыблемости коихъ неоднократно возвѣщалось съ высоты Престола, кореннымъ образомъ измѣнены. Невольно возникло предположеніе, что Царь уже не обладаетъ прежнею полнотою власти и что государственное устройство наше должно быть преобразовано на конституціонныхъ началахъ. Этотъ взглядъ усиленно распространяется почти всею печатью, которая послѣ 17-го Октября получила возможность явно служить дѣлу революціонной агитаціи, а также моогочисленными народившимися вдругъ политическими партіями, которыя принялись каждая на свой ладъ разрабатывать и разви-

вать принципъ, по ихъ мнѣнію, провозглашенный въ Манифестѣ 17-го Октября. Естественно стало распространяться и крѣпнуть убѣжденіе, что Манифестъ 17-го Октября послужитъ основою для выработки „русской конституціи", т. е. коренного закона, которымъ будутъ опредѣлены права и обязанности Государя и народнаго представительства, взаимоотношенія между ними, составъ и устройство главныхъ государственныхъ учрежденій, а также политическія права всѣхъ Русскихъ гражданъ"...

„Все это не можетъ не волновать Русскихъ людей, которые сознаютъ, какъ опасенъ былъ бы для нашего отечества разрывъ съ историческими основами нашей государственности. Невольно спрашиваютъ они себя, какимъ образомъ могло случиться, что государственный строй, съ которымъ издавна свыкся Русскій народъ и противъ котораго сознательно возставала лишь сравнительно незначительная по численности часть населенія, могъ быть кореннымъ образомъ измѣненъ даже безъ всякой попытки провѣрить, поддерживаетъ ли Русскій народъ политическія требованія, предъявленныя Верховной Власти. Невольно зарождается мысль, что когда Государь подписывалъ Манифестъ 17 Октября, положеніе дѣлъ не было представлено Ему въ истинномъ свѣтѣ. При такихъ условіяхъ нельзя не опасаться за будущее. Переворотъ, про-

изведенный представителями одного политическаго направленія противъ воли всей массы народа, не можетъ не принести самыхъ печальныхъ плодовъ"...

„Слѣдуетъ ли однако „признать", что отнынѣ Самодержавная Царская власть у насъ не существуетъ и что на мѣсто ея долженъ водвориться конституціонный строй? Это было бы несомнѣнно такъ, если бы Царская власть была у насъ *созданіемъ искусственнымъ*, если бы ея права и полномочія были установлены и опредѣлены какимъ либо законодательнымъ актомъ, по волѣ Самодержца изданнымъ, или если бы Манифестъ 17 Октября явился отвѣтомъ на желаніе *всего* народа. Въ дѣйствительности однако Царская власть зиждется у насъ не на какомъ-либо указѣ или манифестѣ, не на той или другой статьѣ Свода законовъ; *она создана органически нашей исторіей*, она выросла вмѣстѣ съ русской землей, и корни ея глубоко проникли въ русскую народную почву, Поэтому *умалить или отмѣнить власть Русскаго Царя никто не можетъ*, ниже самъ Самодержецъ, который принялъ ее при вступленіи на престолъ, какъ священное наслѣдіе, которое онъ обязанъ блюсти, оберегать и передать неприкосновеннымъ своему преемнику. Царская власть останется неизмѣнной, доколѣ будутъ существовать тѣ реальныя условія, изъ коихъ она возникла и въ коихъ

она черпаетъ свою силу. Судьба русскаго Самодержавія зависитъ слѣдовательно не отъ Манифеста 17 Октября или другого какого-либо законодательнаго акта, а отъ того, уцѣлѣетъ ли народная вѣра,—основа силы и жизненности Царской власти,—и сумѣетъ ли Самодержавіе оправдать эту вѣру, дѣйствуя въ духѣ своего историческаго призванія.

Въ настоящее время нѣтъ той силы въ русской землѣ, кромѣ народа въ его цѣломъ, которая могла бы быть сколько-нибудь соизмѣрима съ Царскою властью; поэтому *нѣтъ той силы, которая могла бы дѣйствительно ограничить Царя.* Тѣ общественные элементы, которые теперь ведутъ политическую борьбу, совершенно незначительны по сравненію съ той массой народа, на которую опирается у насъ Верховная Власть. Если съ ними и пришлось считаться, то единственно лишь потому, что сама Власть, не слыша подлиннаго народнаго голоса, пришла къ заключенію, будто за партіями, которыя руководятъ политической агитаціей, стоитъ весь народъ. Подъ дружнымъ натискомъ этихъ партій правительство пошло на уступки и тѣмъ самымъ еще болѣе усилило революціонные элементы. Преступное бездѣйствіе и легкомысленная податливость властей дали возможность этимъ элементамъ сплотиться и создать

сильную организацію, которая стала терроризовать и власть и общество. Безспорно, всѣмъ этимъ движеніемъ задѣты до извѣстной степени и глубокіе народные слои, но лишь въ лицѣ отдѣльныхъ ихъ представителей; масса же народная съ недоумѣніемъ и негодованіемъ глядитъ на все, что совершается у нея на глазахъ. Ей непонятны и чужды требованія, предъявляемыя политическими партіями, и она посвоему старается себѣ истолковать ихъ. Она чуетъ что-то недоброе, она видитъ, что творится нѣчто неладное; но она пока далека еще отъ мысли, что враждебнымъ Царю силамъ удалось пошатнуть твердыню Царскаго Самодержавія. Во всякомъ случаѣ самъ народъ ни о чемъ подобномъ не помышляетъ и на Царя своего смотритъ тѣми же глазами, какъ раньше. Манифестъ 17 Октября въ этомъ отношеніи не произвелъ никакой перемѣны. Крестьяне не видятъ въ этомъ актѣ никакого умаленія Царской власти. Достаточно сослаться въ подтвержденіе этого на телеграммы и адресы, въ которыхъ они благодарятъ Государя за Манифестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказываются противъ всѣхъ, кто хочетъ умалить или ограничить Его власть.

Какъ же можно при подобныхъ условіяхъ говорить о конституціи? Вѣдь конституція *предполагаетъ договоръ, взаимныя уступки между Верховною*

властью и народомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она *по формѣ* выражается въ одностороннемъ актѣ, исходящемъ отъ Монарха, *по существу дѣла* она все-таки является *сдѣлкою между народомъ и верховною властью*. Можетъ ли быть рѣчь о чемъ-либо подобномъ тамъ, гдѣ народъ въ массѣ своей не требуетъ себѣ никакихъ политическихъ правъ и вовсе не помышляетъ объ ограниченіи Монарха? Если бы даже Монархъ самъ себя добровольно ограничилъ, народъ будетъ продолжать смотрѣть на него по прежнему, какъ на единственный источникъ власти; по народному понятію *полнота власти будетъ все таки принадлежать Монарху и никому другому, кромѣ него*. Поэтому въ глазахъ народа актъ 17 Октября въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его та часть общества нашего, которая поддалась внушенію конституціоналистовъ, не имѣетъ реальнаго значенія.

Такимъ образомъ, значеніе Манифеста 17 Октября опредѣляется не тѣмъ или другимъ толкованіемъ его текста и вообще не формальной стороною дѣла, а отношеніемъ этого государственнаго акта къ тѣмъ реальнымъ условіямъ, отъ которыхъ зависитъ существованіе нашего государственнаго строя. Вотъ почему мы никакъ не можемъ видѣть въ Манифестѣ 17 Октября перваго шага ко введенію у насъ конституціи. Государь Императоръ

пріобщилъ къ законодательной власти выборныхъ отъ народа, но народъ видитъ въ этомъ не уступку чьимъ-либо требованіямъ, а свободный даръ Царской милости. Народъ не хотѣлъ и не хочетъ умалять въ чемъ-либо полноту Царской власти и желаетъ лишь одного, чтобы Русскій Царь пользовался ею, внимая исключительно голосу своей совѣсти и не смущаясь ни дерзкими криками разнузданной толпы, подпавшей подъ вліяніе политической агитаціи, ни малодушными внушеніями своихъ растерявшихся совѣтниковъ.

Скажутъ, можетъ быть, что, выступая съ такимъ воззрѣніемъ, мы противодѣйствуемъ Царской волѣ, выраженной въ Манифестѣ 17 Октября; но мы рѣшительно *отвергаемъ* такое обвиненіе. Само собою разумѣется, что воля Государя Императора безусловно обязательна для всѣхъ вѣрноподданныхъ, и всякій изъ насъ долженъ, если будетъ къ тому призванъ, исполнить ее по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Мы полагаемъ однако, что это нисколько не обязываетъ насъ отрекаться отъ нашихъ исконныхъ вѣрованій и политическихъ убѣжденій.

Высказываясь такимъ образомъ, мы твердо вѣримъ, что съ нами—русскій народъ. Мы лишь примѣняемъ къ обстоятельствамъ настоящей минуты народное воззрѣніе, выясненное и разработанное цѣлымъ рядомъ Русскихъ мыслителей. Вотъ,

напр., что писалъ въ 1881 году Николай Яковлевичъ Данилевскій:

„Политическій строй Русскаго государства составляетъ предметъ настоящей политической вѣры Русскаго народа, которой онъ держится и будетъ, не смотря ни на что, твердо и неизмѣнно держаться именно какъ вѣры. Если, слѣдовательно, когда либо Русскій Государь рѣшится дать Россіи конституцію, то есть ограничить внѣшнимъ формальнымъ образомъ свою власть, потому ли, что коренная политическая вѣра его народа была бы ему неизвѣстна или потому, что онъ считалъ бы такое ограниченіе своей власти соотвѣтствующимъ народному благу, то и послѣ этого народъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ бы считать его государемъ полновластнымъ, неограниченнымъ, самодержавнымъ, а, слѣдовательно, въ сущности онъ таковымъ бы и остался. Конечно, Государь, подобно всякому человѣку, можетъ и долженъ себя ограничивать; но онъ не можетъ сдѣлать, чтобъ это самоограниченіе, т. е. истинная свобода, стало ограниченіемъ внѣшнимъ, формальнымъ, извнѣ обязательнымъ, т. е. принудительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ бы это внѣшнее ограниченіе заключалось, на что опиралось бы оно, когда народъ его бы не призналъ и не принялъ?. А онъ его не принялъ бы и не призналъ бы, потому что мысли

объ этомъ не могъ бы въ себя вмѣстить, не могъ бы себѣ усвоить, какъ нѣчто совершенно ему чуждое. Конечно, онъ исполнялъ бы внѣшнюю обрядность, выбиралъ бы депутатовъ, какъ выбираетъ своихъ старшинъ и головъ, но не придавалъ бы этимъ избраннымъ иного смысла и значенія, какъ подчиненныхъ слугъ Царскихъ, исполнителей его воли, а не ограничителей ея. Что бы ему ни говорили, онъ не повѣритъ, сочтетъ за обманъ, за своего рода „золотыя грамоты". Но если бы, наконецъ, его въ этомъ убѣдили, онъ понялъ бы одно, что у него нѣтъ болѣе Царя, нѣтъ и Русскаго царства, что наступило новое Московское разоренье, что нужны новые Минины, новые народные подвиги, чтобы возстановить Царя и царство..."

„Итакъ, внѣшнее формальное ограниченіе Царской власти—что и составляетъ единственный смыслъ, который можно соединить со словомъ конституція—не мыслимо и не осуществимо; оно осталось бы пустою формою, не дающею никакихъ другихъ гарантій или обезпеченій политическихъ и гражданскихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя Верховная власть хочетъ предоставить своему народу, насколько и когда этого хочетъ—какъ всегда отъ ея воли зависящій и ни отъ чего иного не зависящій даръ" (Сбор. полит. и эконом. стат., стр. 227 и 228)"...

„Въ настоящее время отреченіе отъ того, что сама Власть еще такъ недавно всенародно заявила и провозгласила, подало бы поводъ къ справедливымъ нареканіямъ и могло бы подорвать довѣріе къ Царскому слову. Такой образъ дѣйствій могъ бы породить новую смуту и повергъ бы въ полное недоумѣніе тѣ народные слои, въ понятіяхъ коихъ съ Манифестомъ 17 Октября вовсе не связана мысль объ ограниченіи Царской власти. Мы не отрицаемъ однако, что могутъ когда нибудь наступить такія обстоятельства, при которыхъ *Русскій Царь будетъ нравственно обязанъ, для блага своего народа, дѣйствовать помимо Государственной Думы и даже отмѣнить Манифестъ 17 Октября.*

Еще рѣшительнѣе высказываемся мы противъ всякихъ попытокъ выработать на основѣ Манифеста 17 Октября какую-либо конституцію. Возвѣщенная неоднократно и подтвержденная 6-го Августа Царская воля, чтобы „основной законъ Россійской Имперіи о существѣ самодержавной власти“ сохраненъ былъ „неприкосновеннымъ“, должна остаться нерушимою. Пытаться теперь убѣдить Верховную власть, чтобъ она отреклась отъ этого основного начала, объ отмѣнѣ коего не упомянуто и въ Манифестѣ 17-го Октября, значитъ пользоваться случайною политическою ошибкою, чтобы увлечь государство на путь не только совершенно ложный.

но и крайне опасный. Власть зиждется у насъ искони не на внѣшней силѣ, а на вѣрѣ народныхъ массъ въ Царя, какъ живое олицетвореніе народа, какъ нравственную силу, въ справедливости которой народъ непоколебимо убѣжденъ и которой онъ готовъ подчиняться не за страхъ, а за совѣсть. Никакое представительное собраніе, каковъ бы ни былъ его составъ, не будетъ пользоваться у насъ и долею того авторитета и обаянія, какъ Царь, и потому введеніемъ у насъ конституціоннаго строя можно только ослабить власть, сохраненія коей въ полнотѣ и силѣ несомнѣнно желаетъ громадное большинство народа. Но такая реформа будетъ имѣть неизбѣжно и другія, еще болѣе грозныя послѣдствія: она будетъ понята народомъ, какъ захватъ Царской власти высшими классами общества, всѣми, кого народъ называетъ „господами". Если это убѣжденіе проникнетъ въ народныя массы, то надъ русской землей разразится такая гроза, передъ которой поблѣднѣютъ всѣ пережитые нами ужасы.

Утверждать, что Манифестъ *обязываетъ* преобразовать нашъ государственный строй на конституціонныхъ началахъ—нѣтъ никакого основанія. Поскольку онъ касается правъ Государственной Думы, онъ не провозглашаетъ какой-либо общій принципъ, который долженъ быть впослѣдствіи

облеченъ въ форму положительнаго закона, а устанавливаетъ точное и опредѣленное правило, и потому онъ имѣетъ въ этомъ отношеніи характеръ *окончательнаго* законодательнаго акта, а не обѣщанія, для осуществленія котораго имѣетъ быть изданъ впослѣдствіи новый законъ.

Итакъ, не въ Манифестѣ 17-го Октября теперь дѣло, и не путемъ его отмѣны или формальнаго истолкованія можно укрѣпить Царскую власть и побороть смуту. Но пусть никто не пытается превращать этотъ Манифестъ въ обязательство, *извнѣ* наложенное на Царя, и придавать ему форму какого либо договора или двусторонняго акта. Противъ подобныхъ попытокъ слѣдуетъ возставать и бороться изо всѣхъ силъ. *Особенно опасно было бы, если бы политическая агитація успѣла внушить нашимъ правящимъ сферамъ несчастную мысль, что Государю слѣдуетъ закрѣпить возвѣщенное въ Манифестѣ какимъ либо торжественнымъ обѣщаніемъ или тѣмъ болѣе присягою.* Не дай Богъ, чтобы до этого дошло дѣло! Такого рода актъ имѣлъ бы послѣдствія, гибельныя для государства. Народъ понялъ бы его въ томъ смыслѣ, что Царь присягнулъ „господамъ“ и что нѣтъ болѣе въ Русской землѣ Верховной власти, вполнѣ свободной, независимой, стоящей выше всѣхъ сословій и общественныхъ классовъ, нѣтъ Царя, повиную-

щагося только внушеніямъ Своей совѣсти, а есть лишь высшее правительственное лицо, обязанное дѣйствовать по волѣ и по указаніямъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые получатъ преобладающее положеніе въ представительныхъ учрежденіяхъ. Пусть, далѣе, Манифестъ 17 Октября остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—единичнымъ актомъ, простымъ дополненіемъ къ Манифесту 6-го Августа, послѣднимъ камнемъ, которымъ увѣнчано зданіе Государственной Думы, но пусть будутъ рѣшительно отвергнуты попытки сдѣлать изъ него фундаментъ новаго зданія Россійской конституціи. Словомъ, подчиняясь Манифесту 17-го Октября, мы понимаемъ его въ буквальномъ его смыслѣ, безъ всякаго перетолкованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы рѣшительно возстаемъ противъ всякой попытки придать этому государственному акту значеніе болѣе широкое, нежели то, которое вытекаетъ изъ буквальнаго его смысла, и понять его *какъ принципіальное провозглашеніе новаго конституціоннаго строя*. Ни о какомъ измѣненіи нашихъ основныхъ законовъ не должно быть и рѣчи. Нѣтъ надобности вырабатывать какую бы то ни было конституцію для дальнѣйшаго, болѣе подробнаго опредѣленія правъ и обязанностей Верховной власти и народнаго представительства. Предѣлы власти Государственной Думы

и ея отношеніе къ Царю и къ высшимъ должностнымъ лицамъ, отъ него поставленнымъ, установлены съ достаточной полнотой и ясностью въ законѣ 6 Августа и въ 3-мъ пунктѣ Манифеста 17-го Октября. Если бы впослѣдствіи по ходу дѣла выяснилась необходимость въ чемъ-либо измѣнить или дополнить эти законоположенія, то это всего лучше и цѣлесообразнѣе сдѣлать путемъ частичныхъ поправокъ, вносимыхъ отдѣльными законодательными актами *на основаніи указаній опыта.* Не въ измѣненіи основныхъ законовъ нуждается теперь русскій народъ, а въ цѣломъ рядѣ мѣръ къ возстановленію порядка и твердой власти, къ устраненію всякаго рода хищеній и неправдъ и къ подъему его матеріальнаго благосостоянія. Если же правительство и выборные отъ народа начнутъ теперь вырабатывать новые основные законы, то это неминуемо вызоветъ серіозныя волненія въ народѣ и до крайности обострить смуту; вмѣстѣ съ тѣмъ на такую работу уйдетъ много драгоцѣннаго времени и тѣмъ самымъ надолго отсрочится разрѣшеніе вопросовъ, выдвигаемыхъ дѣйствительною жизнью страны.

Сводя все сказанное, мы полагаемъ:

1) что Манифестомъ 17-го Октября ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ выразилъ свою волю пріобщить Государственную Думу къ законодательной власти,

но что этимъ еще не введена у насъ конституціонная форма правленія, ибо для дѣйствительнаго осуществленія конституціоннаго строя требовалось бы, чтобы была налицо какая либо сила въ государствѣ, которая *могла бы* и *желала бы* ограничить Царскую власть, а у насъ такой силы нѣтъ: отдѣльныя политическія партіи и общественные классы, настроенные оппозиціонно, незначительны по численности, а народная масса по прежнему вѣритъ только Царю и вовсе не стремится умалять полноту Его власти;

2) что Манифестъ 17 Октября долженъ оставаться свободнымъ актомъ воли Самодержца и ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть превращенъ въ обязательство, на Него возложенное извнѣ; въ особенности было бы опасно закрѣплять этотъ актъ какимъ-бы то ни было торжественнымъ обѣщаніемъ или присягою, ибо такая присяга понята была бы Русскимъ народомъ, какъ упраздненіе Царской власти, стоящей выше всѣхъ сословій и общественныхъ классовъ и повинующейся лишь внушеніямъ своей совѣсти;

3) что Манифестъ 17 Октября, оставаясь въ силѣ, какъ дополненіе къ закону о Государственной Думѣ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ повлечь за собою переработку нашихъ основныхъ законовъ и составленіе чего-либо въ родѣ консти-

туціи, которою опредѣлялись бы взаимоотношенія и права Государя и народнаго представительства;

4) что правительство и Государственная Дума должны заняться теперь не безплоднымъ и вреднымъ измышленіемъ новыхъ основныхъ законовъ, а разрѣшеніемъ насущныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ народною жизнью".

Изъ предыдущаго ясно слѣдуетъ, что послѣ Манифестовъ 6 Августа и 17 Октября 1905 г. Россіей будетъ управлять неограниченный, по прежнему, Монархъ, свободный Царь свободнаго Русскаго народа, Божіей милостью, съ помощью установленной имъ Государственной Думы, Царскою милостью.

Нельзя не задать себѣ, однако, вопроса, кому же такъ нужно ограниченіе Самодержавія и Европейская конституція въ Россіи, кто радовался бы ей и использовалъ бы ее лучше всѣхъ для своихъ цѣлей? На это можетъ быть данъ отвѣтъ изъ фактовъ и событій жизни. Постоянно читаешь въ газетахъ, что иностранные капиталисты согласны реализовать Русскіе займы только въ томъ случаѣ, если конституціонныя начала, „обѣщанныя" по ихъ мнѣнію Манифестомъ 17 Октября, будутъ проведены въ жизнь. Ее желаютъ для Россіи также иностранныя государства, всегда намъ враждебныя, а въ Россіи инородцы, которые надѣются при

конституціи легко добиться себѣ полной автономіи, и евреи, имѣющіе всѣ шансы при ея посредствѣ достигнуть господства въ странѣ и стать ея хозяевами. Желаютъ ее также и крайнія соціалистическія группы, для которыхъ съ нею открылось бы поле легальной борьбы въ Россіи за разрушеніе ея государственныхъ устоевъ и мощи. Интересна она также и тѣмъ русскимъ капиталистамъ и торговцамъ, которые связаны съ еврейскими капиталами и рынками и находятся въ зависимости отъ нихъ и отъ еврейскаго торговаго посредничества. Наша столѣтняя министерская бюрократія, изощрившаяся въ искусствѣ балансировать взглядами и „приспособляться“, очень хорошо сознаетъ, что конституціонный строй потребуетъ только увеличенія ея же состава и, конечно, сумѣетъ отлично къ нему приспособиться и использовать наивыгоднѣйшимъ образомъ для себя невозможность обойтись безъ нея, а при извѣстныхъ условіяхъ и обставить себя такъ, чтобы дѣйствовать за двумя ширмами Государственной Думы и Верховной власти и еще меньше отвѣчать за свои дѣйствія, нежели прежде. Желали бы конституціи и Русскіе оппортунисты, всякіе аферисты и авантюристы, желающіе пристроиться къ государственному пирогу и устраивать свои дѣлишки около политическихъ партій и обмановъ, а также безпочвенные космо-

политы, не имѣющіе собственности въ Россіи и ничего общаго съ Русскимъ народомъ, и люди, видящіе только въ конституціи спасеніе отъ нынѣшняго вреднаго бюрократическаго строя, неосновательно отождествляемаго ими съ настоящимъ Самодержавіемъ, но не дающіе себѣ труда разобрать, нельзя ли намъ, вмѣсто заимствованія чужихъ формъ, усовершенствовать свой государственный строй такъ, чтобы онъ отвѣчалъ потребностямъ государства и народа, котораго еще и не спрашивали, что онъ думаетъ.

По обнародованіи Манифеста 17 Октября дѣйствительно ликовали только поляки, инородцы и евреи, проявлявшіе съ революціонерами, изъ Русскихъ, радость вооруженными толпами, съ красными флагами, носившіе по улицамъ портреты Гиршей, Ротшильдовъ и другихъ еврейскихъ милліонеровъ и дерзко глумившіеся и надругавшіеся надъ Русскимъ народомъ, портретами Государя и православіемъ. Русскій же народъ, возбужденный посягательствомъ на Верховныя права Русскаго Царя и дерзостью іудеевъ и революціонеровъ, сталъ сбиваться въ „черныя сотни“ и „тысячи“ и невооруженными толпами ходить по улицамъ, съ образами, портретами Царя и Царицы и національнымъ флагомъ, а затѣмъ естественно и учинять еврейскіе погромы, въ отвѣтъ на ихъ руководительство

смутою, неслыханную дерзость и насилія, не обуздываемыя правительственною властью.

Спрашивается: согласился ли бы сознательно Русскій народъ промѣнять безпристрастное око и неограниченную власть своего Царя при рѣшеніи Имъ утвердить или не утвердить, издать или нѣтъ новый законъ, на случайное насиліе часто искусственнаго большинства голосовъ, въ которомъ голосъ одного инородца или еврея могъ бы рѣшить Русское государственное дѣло въ Государственной Думѣ, если бы она получила законодательную власть и ограничила бы власть Царя?

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что Русскій народъ, если бы былъ спрошенъ, то отвѣтилъ бы:

1) что Россія должна управляться на основаніи законовъ, вырабатываемыхъ Русскими людьми;

2) что нуждами коренного Русскаго населенія опредѣляются нужды и всей Россіи;

3) что Россіи нуженъ Царь, Помазанникъ Божій, по своему положенію стоящій внѣ подкупа, зла, пристрастія и партій, неограниченный въ своихъ верховныхъ правахъ контрактами, договорами и правовыми нормами со своимъ народомъ, какъ на Западѣ, гдѣ они создались вѣковою борьбою Верховной власти съ народомъ, а поставленный государственнымъ строемъ въ дѣйствительное *единеніе* съ народомъ, вручившимъ Ему эту власть *согласіемъ* и *міромъ*, и

4) что, наконецъ, Россіи нужны твердые законы, ограничивающіе не Верховную власть, а правительство, для огражденія Верховной власти отъ ея расхищенія имъ и народа отъ могущаго быть произвола правительственной власти и гарантирующіе гражданскую свободу вѣрноподданнымъ, ею не злоупотребляющимъ.

Въ такомъ построеніи ближе всего осуществились бы христіанскіе идеалы Русскаго народа. Право для власти и подданныхъ, отъ Царя—законъ и, сверхъ того, справедливость и милость. Власти, отвѣтственныя по закону и праву, а Царь—ограничивающій себя Самъ закономъ и совѣстью передъ Богомъ.

Въ виду всего сказаннаго, остается выразить горячее пожеланіе всякаго русскаго патріота, чтобы Государственная Дума, нынѣ не носящая признака и безъ гарантій, что она Русская и православная и прежде всего для Россіи и интересовъ коренного русскаго православнаго народа, выработалась въ органъ дѣйствительнаго единенія Царя исключительно съ Русскимъ народомъ, единственно *правомочнымъ* судить о дѣлахъ Русскаго государства, безъ участія евреевъ и инородцевъ, которые челобитныя о своихъ нуждахъ должны нести на судъ Русской Государственной Думы и Русскаго Самодержца.

26 Янв. 1906 г. П. Н. С.

НКЮ РСФСР